

СОЦИАЛЬНОЕ И ПРИРОДНОЕ В ДЕТЕРМИНАЦИИ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА

Л. Г. Дикая

В работах, посвященных психологии субъекта, А. В. Брушлинский продолжил естественно-исторические традиции в психологии, заложенные Б. Г. Ананьевым и В. М. Бехтеревым, согласно которым «человек является одновременно природным и социальным существом» (Брушлинский, 2003, с. 7). Категория субъекта, по утверждению А. В. Брушлинского, позволяет представить человека в единстве его природного, социального и духовного начал, так как «...на любом этапе развития психики человека природное и социальное нераздельны, едины: в нем нет ничего, что было бы только природным или только социальным» (там же, с. 48).

Человек выступает как субъект, одновременно находящийся в эпицентре взаимодействия систем разного уровня, т. е. «субъект – это человек на высшем уровне активности, целостности (системности), автономности и т. д.» (там же, с. 21). Можно сказать, что поведение субъекта является социально-личностным, в котором отражается его восприятие происходящего и отношение к создавшейся ситуации.

Эта нераздельность природного и социального особенно ярко проявляется в профессиональной деятельности субъекта труда, когда каждый работающий является одновременно субъектом профессиональной деятельности коллектива, организации, общества. Как субъект, осознающий свою ответственность за эту деятельность, профессионал может осознанно или неосознанно принимать нормы, цели и задачи, которые ставит перед ним профессиональная деятельность, коллектив, организация. И в зависимости от того, чьи цели и нормы он принимает, профессионал становится субъектом данного сообщества, которое и определяет многообразие видов и форм его конкретной трудовой активности. Принятые субъектом нормы образуют целостную систему внутренних усло-

вий, через которые только и действуют на него внешние причины, влияния и т. п.

Под воздействием этих условий у каждого человека в процессе его деятельности складывается сложное изменяющееся соотношение личностных качеств субъекта, его психических процессов и состояний. Ведущее влияние на это соотношение оказывает взаимодействие внешних и внутренних детерминант, оказывающих регулирующее воздействие на все формы активности субъекта. Принцип детерминизма, являющийся одним из атрибутов системного подхода, предполагает, что в процессе жизни и деятельности одни, преимущественно внутренние детерминанты, оказывают влияние на протяжении всего процесса, действие других может проявляться в той или иной мере на отдельных этапах. Изучение системности и сменности детерминант, о необходимости исследования которых писал Б. Ф. Ломов (1984), особенно актуально в исследованиях процессов адаптации субъекта к экстремальным условиям деятельности.

Эмпирическим подтверждением данных положений являются результаты исследований системной детерминации профессиональной деятельности, состояния и личности субъекта, проводимых в нашей лаборатории (Дикая, 2003, 2007; Дикая, Крылова, 2007; Семикин, 1986; Шапкин, 1994). В этих исследованиях регулятивных механизмов адаптации субъекта к экстремальным условиям деятельности мы пытались выявить, какую роль в этом процессе играют диады природных и социальных детерминант – на примере мотивационно-волевых, эмоционально-регулятивных и активационно-регулятивных детерминант, которые, по нашим предположениям, интегрируются в единую систему субъектной регуляции деятельности и влияют на формирование субъектом стратегии адаптации.

Мы также предполагали выявить те мотивационно-целевые установки, которые отражают позиции субъекта деятельности в отношении данной ситуации, деятельности, профессионального сообщества, группы. Как известно, в рамках мотивационно-волевого компонента мотивационные и волевые процессы выполняют разные функции, и вследствие этого их роль в деятельности субъекта различна.

Многими авторами показано, что среди многочисленных механизмов профессиональной адаптации ключевую роль играет структура мотивации субъекта, преобразующая требования деятельности (ситуации) в целевые структуры, в соответствии с которыми формируется стратегия адаптации. Выделяют этапы инициирования (формирование побуждения), селекции инициированных альтернатив действия, превращение одной из них в доминирующую тенденцию

действия, требующую реализации. Этап инициирования можно охарактеризовать как «предметный» (Ach, 1910); субъективно он может быть выражен словами: «Я действительно хочу этого». Мотивационный процесс проходит ряд этапов и заканчивается принятием решения.

Согласно некоторым авторам (Campbel, Pritchard, 1976; Home, Pettitt 1985), существующие теории мотивации концентрируются на содержательных либо процессуальных аспектах мотивационного процесса.

«Содержательные» теории направлены на выявление структуры мотивов субъекта, уточнение взаимосвязи между отдельными мотивами, а также между мотивами, выражающими потребности разных уровней (Atkinson, Rainor, 1985; Maslow, 1974), включая мотивы, формирующиеся под влиянием социальной среды.

Процессуальный подход к мотивации наиболее последовательно реализован в теории мотивации достижения (Atkinson, 1974; Kuhl, Vassiliev, 1987). Мотив достижения можно характеризовать как обобщенный устойчивый мотив личности, который проявляется в определенных особенностях деятельности и реализуется посредством специфических мотивов, релевантных ситуационным переменным.

Показано, что выраженный мотив достижения является необходимой предпосылкой успешности адаптации, например, летчиков и космонавтов (Береговой, Жданов, 1992), а также людей, работающих в условиях Крайнего Севера (Березин, 1988). В то же время в ряде исследований отмечается непрямая зависимость между структурой мотивации и продуктивностью деятельности, а также делаются предположения относительно факторов, опосредующих эту взаимосвязь. Под влиянием ряда экспериментальных данных исследователи пытались «уточнить» теорию мотивации достижения, вводя новые переменные, опосредующие связь мотива и эффективности деятельности. Х. Хекхаузеном было высказано общетеоретическое основание, объясняющее неоднозначность взаимосвязи мотивации и эффективности деятельности (Heckhausen, 1990). Показано, в частности, что связь мотива достижения и результативности практически отсутствует в случае продолжительной деятельности или деятельности, протекающей на фоне неблагоприятных факторов (дефицит времени, повторяющиеся неудачи и др.).

По мнению некоторых представителей этой школы, данная неоднозначность обусловлена тем, что субъект далеко не всегда выполняет доминирующие намерения, обладающие для него побудительной ценностью, так как на пути их осуществления могут возникать разного рода препятствия. Поэтому сформировались подходы, пред-

лагающие рассматривать в системе мотивации не только мотив достижения, но и констелляцию мотивов, выдвигаемых в качестве базовых или социальных, включающих, например, аффиляцию, стремление к власти, к оказанию помощи, агрессию и др. Кроме того, процесс мотивации исследуют в динамике («динамическая» модель мотивации Аткинсона и Берча), в контексте временной перспективы (модель Райнора), в сочетании с волевыми процессами контроля за действием (Heckhausen, 1990; Motivation and achievement, 1974).

Несмотря на актуальность проблемы соотношения природных и социальных мотивов, исследования в этом направлении немногочисленны, что, вероятно, объясняется рядом теоретических и методических трудностей. Главными из них, на наш взгляд, являются: неопределенность и ограниченность существующих классификаций мотивов; отсутствие отчетливых критериев их разделения на природные и социальные, на «ведущие» и «вспомогательные».

По нашему мнению, это происходит в связи с тем, что одновременно с мотивом достижения, который наиболее полно реализуется субъектом в ситуациях, релевантных преобладающему мотиву, в ситуациях с более широким социальным контекстом одновременно актуализируются социальные мотивы, оказывающие влияние на отношение субъекта к нормам, ценностям конкретной группы. Особую роль в поддержании устойчивости мотивационного процесса и контроля за выполнением намерения вплоть до достижения цели приобретают волевые процессы, хотя по своей природе и функциям они не являются мотивационными.

Наиболее близок целям нашего исследования подход к анализу волевых процессов, активно разрабатываемый в теории контроля за действием Ю. Куля (Kuhl, Helle, 1991; Kuhl, 1991), в соответствии с которой постулируется существование двух личностных диспозиций, определяющих различные стратегии контроля за действием. Модус контроля, направленный на анализ и переживание прошлых или будущих состояний (например, неуспех в ходе деятельности), Куль назвал ориентацией на состояние (ОС), а модус контроля, который направлен на регуляцию действия – ориентацией на действие (ОД). Исследования, проведенные в зарубежной когнитивной психологии в русле концепции Ю. Куля, показали, что ОД-испытуемые успешнее справляются с задачами в стрессогенных условиях (индицирование неуспеха, психическая и физическая нагрузка), чем ОС-испытуемые (Brunstein, 1989; Stiensmeier-Pelster, 1991). В некоторых работах также показана более эффективная адаптация ОД-испытуемых по физиологическим показателям (Schellhas, Walschburger, 1989).

Это позволяет рассматривать процессы контроля за действием как «вспомогательные» детерминанты адаптации, способствующие, наряду с мотивацией, формированию и реализации индивидуальных стратегий адаптации и проявляющейся в специфической взаимосвязи когнитивных, активационно-энергетических и эмоционально-оценочных процессов на разных этапах адаптации.

Доказательство рассматриваемых соотношений в детерминации стратегий адаптации были получены нами при исследовании деятельности разных групп испытуемых. Была выявлена не только связь мотивационного и волевого компонентов детерминации деятельности оператора как основного и вспомогательного, но и их различная представленность на разных этапах адаптации к экстремальным условиям деятельности – режиму деятельности в течение 72-часовой депривации сна (Anderson, Wilkinson, 1983; Miculincer et al., 1989).

В начальный период адаптации личность включается в группу и экспериментальную обстановку, в которой осуществляется его деятельность, формируя мотивацию и цели предстоящей работы. В процессе адаптации у всех испытуемых увеличивается количество категорий деятельности и состояния, с одной стороны, и уменьшается количество иррелевантных категорий – с другой.

Одновременно в этот период в процессы на неосознаваемом уровне включаются такие регуляторы, как чувства, эмоциональная оценка ситуационных факторов и активационно-регулятивные процессы, вызывая состояния повышенной готовности, мобилизации ресурсов, эмоционального возбуждения.

Включение в социальную действительность происходит в процессе взаимодействия с ней, с другими людьми, в смысле принятия условностей, отношений. В этот, как и в любой период жизни, по мнению К. А. Абульхановой (2009), личность как индивидуальность строит самые разные отношения, а сознание создает их иерархию, определяет их значимость и выстраивает их индивидуальную систему.

По данным контент-анализа целевых объектов, на начальных стадиях адаптации у всех операторов была сформирована мотивация, иррелевантная эксперименту, направленная на обеспечение процессов инициирования и планирования, а также преодоления стартового психического напряжения, т. е. все операторы ощущали себя субъектами этой деятельности и ситуации.

Но, как писал А. В. Брушлинский (2003), каждый субъект одновременно является субъектом разных видов активности, а в нашем случае он является субъектом данной индивидуальной деятель-

ности, профессионального сообщества или представителем своей организации. Поэтому уже в начале работы наблюдались различия при определении цели и выборе стратегии адаптации.

В этот период большую роль в формировании мотивации играют социальные мотивы – ожидание отношения других (начальства) или другого (участника эксперимента), особенно для групп профессиональных операторов и специалистов по регуляции психофизиологических состояний. Устремленность личности на поддержание своего имиджа как профессионала высокого уровня активизирует социальный аспект мотивации.

У субъектов, внешне (со стороны профессионального сообщества) и внутренне (актуализирована мотивация достижения) мотивированных на выполнение профессиональной деятельности на высоком уровне в течение всего процесса адаптации, в большей степени представлены цели, релевантные продолжению деятельности и в меньшей – регуляции собственного ФС. Для операторов, представляющих другое профессиональное сообщество, престижным было поддержание функционального состояния на оптимальном уровне, и в соответствии с этой мотивацией у них формировались цели, релевантные регуляции собственного ФС и в меньшей степени ориентированные на продолжение деятельности. Поэтому и волевая регуляция у них была ориентирована преимущественно на контроль за состоянием.

В процессе адаптации происходит изменение соотношения детерминант разных групп испытуемых. При возникновении трудностей в регуляции деятельности и состояния субъект по-новому и осознанно осмысливает свое участие в эксперименте и свои возможности, формирует новые цели и мотивы деятельности. Проектирование субъектом своей последующей роли в эксперименте выразилось в разных конкретных формах мотивации, целеполагания, представления о будущих действиях по саморегуляции.

Это проявлялось в изменении своей роли как испытателя в соответствии со своей индивидуальностью, своими способностями и возможностями, в изменении позиции личности как индивидуальности, в потребности к самореализации, к познанию своих возможностей и пределов.

В исследовании был выявлен значительный вклад мотивации и разных форм контроля за действием в содержание и динамику индивидуальных стратегий адаптации, соотношение которых определяет индивидуальные стратегии адаптации.

На определенном этапе адаптации субъект осознает несоответствие своих притязаний и возможностей с позицией, которую

он занимал в начале адаптации (профессионально-ситуационной), и осознанно изменяет свою позицию в связи с возникшими трудностями в соответствии со своими представлениями, побуждениями, ценностями. Действия субъекта могут стать неадекватными, несвоевременными для данной жизненной ситуации, для данного момента или периода.

Полидетерминированность социальными, групповыми и личностными мотивами может, в свою очередь, порождать противоречивость в отношении к ситуации и к деятельности. В этих условиях одни продолжают реализовывать свои профессиональные цели и амбиции, несмотря на высокую психофизиологическую цену деятельности и снижение индивидуальных ресурсов, другие пытаются реализовывать мотивацию, направленную преимущественно на регуляцию состояния или деятельности, третьи актуализируют свою индивидуальность, игнорируя цели и задачи эксперимента.

Можно сказать, что проявляется избирательность личности по отношению к реальным социальным воздействиям: одни личности противостоят и противодействуют негативным влияниям социума, другие оказываются подвластны им, третьи разрешают их за счет своих ресурсов.

Это проявляется в изменении в продуктивности и надежности деятельности у операторов с разными индивидуальными стратегиями адаптации. Выявлено, что операторы, ориентирующиеся на контроль за деятельностью, на завершающем этапе адаптации к РНД имеют более высокую продуктивность деятельности и используют более эффективные когнитивные стратегии. Они обладают более эффективным механизмом перераспределения ресурсов, что проявляется в изменениях уровня активации, компенсирующих до определенного момента неблагоприятные функциональные состояния. У операторов, мотивированных на поддержание состояния на оптимальном для организма уровне, контроль за состоянием обеспечивает его положительную самооценку. Можно сказать, что эти операторы осуществляют более эффективный контроль за негативными переживаниями, связанными с неблагоприятными ФС, который опосредует влияние мотивационно-волевых стратегий на деятельность. В то же время в деятельности они используют неэффективные стратегии («компенсации» и «угадывания»), что приводит к ухудшению показателей продуктивности деятельности (Шапкин, 1994; Шапкин, Дикая, 1996).

Таким образом, результаты нашего исследования показали, что мотивационные и волевые процессы играют решающую роль

в детерминации индивидуальных стратегий деятельности и адаптации. Мотивационные социально ориентированные процессы, определяя стратегии адаптации, максимально представлены при формировании целей и задач в деятельности субъекта на начальном этапе адаптации, на этапе развития неблагоприятных функциональных состояний, затрудняющих выполнение деятельности, а волевые процессы во взаимосвязи с эмоциональными активационными процессами обеспечивают контроль за реализацией этой стратегии преимущественно на критическом и завершающем этапах адаптации (Дикая, 2003).

Полученные результаты показали, что мотивационно-волевые характеристики являются фактором, интегрирующим когнитивные, эмоциональные и активационные процессы в единую систему, в которой именно эмоциональная оценка деятельности и состояния «презентирует» субъекту характер взаимосвязи между ее компонентами в форме непосредственного переживания. Сходная мысль высказана в работе И. А. Коровиковой, в которой подчеркивается опосредующая роль эмоционально-оценочного компонента в процессе личностно-смысловой (мотивационной) регуляции (Коровикова, 1989; Прохоров, 1998).

На данном этапе анализа результатов наших исследований мы рассмотрели характер влияния диадичности мотивационных и волевых компонентов системы детерминации, но существуют также такие диады детерминант, как ценностно-смысловые, нравственно-духовные, которые также отражают диадичность социальных и природных составляющих детерминант, через которые раскрываются функциональные механизмы адаптации и субъектной саморегуляции, инициирующие образование адаптационных стратегий. Природное и социальное – это не два компонента психики человека, а единый субъект с его живым психическим процессом саморегуляции.

Именно диадичность социального и природного в системе детерминант обеспечивает оптимальную интеграцию позиций субъекта, как социальной, так и профессиональной, т. е. субъектная позиция конструктивно поддерживает позицию личности относительно социума.

Эти данные являются еще одной иллюстрацией определения личности, которое дала в своей работе К. А. Абульханова (2009): «Личность – не только интегральная, но и интегрирующая система, которая благодаря своему сознанию интегрирует, соотносит, приводит в соответствие свои различные позиции вне социума и внутри его относительно позиции собственной жизни» (с. 42).

Литература

- Абульханова К. А. Сознание как жизненная способность личности // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 32–44.
- Береговой Г. Т., Жданов О. И. О стилях поведения операторов в экстремальных условиях деятельности // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 2. С. 49–54.
- Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация. Л.: Наука, 1988.
- Брушлинский А. В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
- Дикая Л. Г. Адаптация: методологические основания и основные направления исследований // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Пер Сэ, 2007. С. 17–42.
- Дикая Л. Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (Системно-деятельностный подход). М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
- Дикая Л. Г., Крылова Г. Ю. Личностные детерминанты становления профессионала в особых и стрессогенных условиях деятельности // Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В. И. Моросановой. М.–Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, Сев-КавГТУ, 2007. С. 410–430.
- Дикая Л. Г., Крылова Г. Ю. Социально-психологические аспекты профессиональной адаптации в стрессогенных условиях деятельности // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Пер Сэ, 2007. С. 483–506.
- Коровикова И. А. Личностный фактор в обеспечении продуктивной операторской деятельности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний. М.: Изд-во ИП РАН, 1998.
- Семикин В. В. Произвольная саморегуляция ФС в условиях режима непрерывной деятельности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1986.
- Шапкин С. А. Мотивационно-волевые детерминанты адаптации оператора к условиям депривации сна: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.
- Шапкин С. А., Дикая Л. Г. Деятельность в особых условиях: компонентный анализ структуры и стратегий адаптации // Психологический журнал. Т. 17. № 1. 1996. С. 19–35.
- Ach N. Uber den Willensakt und das Temperament. Leipzig, 1910.

- Anderson J. A., Wilkinson R. T.* Effects of sleep deprivation on signal detection measures of vigilance: implications for sleep function // *Sleep*. 1983. № 6 (4). P. 347–358.
- Brunstein J.* Handlungsorientierte versus lageorientierte Reaktionen auf versuchsleiter-induzierte Misserfolgsergebnisse // *Z. exp. und angew. psychol.* 1989. V. 36. № 3. P. 349–367.
- Campbell J. P., Pritchard R. D.* Motivational theory in industrial and organizational psychology // *Handbook of industrial and organizational psychology*. Chicago, 1976.
- Heckhausen H.* Motivation und Handeln. Der 2. Auflage. Goettingen–Toronto: Hogrefe, 1990.
- Home J. A., Pettit A. N.* High incentive effect on vigilance performance during 72-hours of total sleep deprivation // *Acta Psychol.* 1985. P. 123–139.
- Kuhl J., Helle P.* Motivational and volitional determinants of depression // *Volition and Personality: Action versus state orientation* / Eds J. Kuhl, J. Beckmann. Goettingen–Toronto: Hogrefe, 1991. P. 4–44.
- Kuhl J.* Action and state orientation: Psychometric properties of the Action Control Scale // *Volition and Personality: Action versus state orientation* / Eds J. Kuhl, J. Beckmann. Goettingen–Toronto: Hogrefe, 1991. P. 45–69.
- Kuhl J., Vassiliev I.* Intrinsic task-involvement, coping with failure, and problem-solving. Max-Planck-Inst. Munich, 1987.
- Maslow A. H.* Motivation and personality. N. Y.: Harper, 1959.
- Miculincer M., Bakeoff H., Caspy T., Sing H.* The effects of 72 hours sleep loss on psychological variables // *Brit. J. Psychol.* 1989. V. 80. P. 145–162.
- Motivation and achievement* Wash.: Winston & Sons, 1974.
- Schellhas B., Walschburger P.* Psychologische versus physikalische Belastungsbedingungen ALS Determinanten psychophysischer regulationsprozesse // *Z. exp. und angew. psychol.* 1989. V. 36. № 4. P. 610–633.
- Stiensmeier-Pelster J.* Choice of decision-making strategies and action versus state orientation // *Volition and Personality: Action versus state orientation* / Eds J. Kuhl, J. Beckmann. Goettingen–Toronto: Hogrefe, 1991.
- Walschburger P.* Konzentration und psychische Regulation unter Belastung // *Konzentration und Leistung* / Hrs. H. Strang. Goettingen–Toronto: Hogrefe, 1991.